

Полицейский, которого я люблю

Эд Макбейн. Вдовы. М., Центрполиграф («Мастера остросюжетного романа»)

Сегодня. - 1994. -
13 окт. - с. 10.

Саратов

Роман Арбитман

Р

оманы «Вдовы» и «Попелуй» написаны Эдом Макбейном сравнительно недавно, и в цикле произведений о 87-м полицейском участке они являются далеко не худшими. Хотя скорее всего и не самыми лучшими: в романе «До самой смерти», например, больше динамики, в «Клине» — внутреннего напряжения, «Головоломка» или «Покущение на Леди» в сюжетном отношении куда более прихотливы. Но все это не имеет никакого значения.

Дело в том, что знаменитый сериал Макбейна есть эпос в чистом виде: несмотря на то что каждый из романов о 87-м участке можно читать как самостоятельное произведение, оценивать следует замысел в целом. Несколько десятков написанных и еще не написанных романов образуют своего рода полицейскую «Илиаду» — огромное полотно, в котором список кораблей (в данном случае — перечень разнообразных методов работы «копов» и их профессиональных приемов) не менее интересен и важен, чем конкретные эпизоды расследований и взятия вражеских крепостей. В каждом отдельно взятом романе могут быть персонажи, которые по ходу действия будут выдвигаться на передний план (нередко в данной роли оказывается детектив Стив Карелла), но тем не менее цикл не знает деления на главных и эпизодических персонажей. Подобно автору «Человеческой комедии», Макбейн высвечивает то одного, то другого, то третьего, не боясь во многих романах идти на известный повтор во внешних описаниях и в характеристиках героев. Делается это не столько в интересах читателей, коим может попасться лишь какой-нибудь один роман цикла, сколько для того, чтобы в очередной раз (пусть даже и несколько нарочито) выделить са-

моценность каждого из своих любимых персонажей. Недаром ведь автор, помещая героев в критические ситуации, никогда не допускает, чтобы погибли Карелла или Майер, Хейвз или Бернс, Клинг, Гроссман, Эрнандес, Мисколо ... даже кто-нибудь из полукумического друга Моноган — Моноро; смертность в районе 87-го участка не ниже, чем в других районах, однако пули в основном настигают масовку, лиц «без речей», внедренных в сюжет именно с целью обречь на неминуемое заклятие. Известная мысль Бродского о том, что в мире трагедии гибнет не герой, а хор, применительно к полицейскому сериалу Эда Макбейна обретает особый смысл.

Первые романы цикла американский писатель создал еще в середине 50-х, романы же, включенные в настоящий сборник, написаны в начале 90-х. Закономерно, однако, что внушительный хронологический перепад не оказал существенного воздействия ни на композицию, ни даже на сюжетную основу произведений, составляющих полицейскую сагу. Мир Макбейна существует в условном пространстве (Айсола лишь отчасти напоминает Манхэттен) и в еще более условном времени. В этом мире есть древние телефонные аппараты и современные компьютеры, окончание корейской войны и крах советской империи практически не разделены временным промежутком, среди киношлягеров одновременно упоминаются «Психо» и «Рэмбо», звезды Хэмфри Богарта и Арнольда Шварценеггера светят одинаково ярко. И, несмотря на всю эту условность, романы цикла удивительно конкретны. Неодушевленные предметы — от обшарпанных стен участка до какого-нибудь кольта тридцать восьмого калибра — выглядят не менее осязаемыми, чем знакомые читателю живые персонажи-полисмены. Читателю достаточно познакомиться лишь с несколькими (любими) романами — и он уже может открывать дверь 87-го участка, как дверь собственного дома (или дома близких друзей, родственников). Эпос Макбейна, не в при-

мер мыльным телесериалом, построен отнюдь не по линейному принципу и — в отличие от тех же мыльных опер — совсем не навязчив. Читатель вовсе не обречен провести остаток жизни в компании придуманных субъектов; напротив, предпочитая Макбейна Чейзу или Спиллейну, читатели совершают осмысленный и осознанный выбор (к тому же монструозные собрания сочинений авторов детективов — в твердых переплетах — наше собственное изобретение; на Западе 87-й участок распространен преимущественно в виде подтекстов, и императив прочесть всё одного автора проистекает из внутренней потребности человека, но не из необходимости освоить одну масштабную книжную покупку). Нашему читателю Эд Макбейн дал то, что за долгие годы не сумели подарить авторы сериала про трех милийских знатоков. То, что — по разным и подчас как будто и труднообъяснимым причинам — было невозможно достичь в наших прозаических или киношных произведениях из милийской жизни: ощущение домашнего уюта полицейского участка. Возможно, Эд Макбейн сотворил фантом, но это был (и есть) на редкость привлекательный фантом. Эпические столкновение светлых и темных сил локализовалось в одной отдельно взятой области человеческой деятельности. Симпатичные персонажи цикла не суперполицейские (тот же Карелла исправно притягивает к себе разнообразные неприятности) — они просто исправно соединяют в одном лице хороших людей (но опять-таки не идеальных) и хороших профессионалов. Макбейн не опровергает нашу популярную аксиому: хороший человек не профессия — он лишь возвращает быллой блеск полицейской бляхе, на практике продемонстрировав не киношную обаятельность людей в униформе служителей закона. Наш человек, лишенный милийского уюта априори, инстинктивно стремится удержать хотя бы этот фантом, организуя на своей книжной полке мини-филиал 87-го полицейского участка. Иллюзорные «копы» — пусть и только на время чтения романов — создают ощущение личной безопасности эффективнее, чем реальные инкарнации Пал Палыча и его друзей.

Выход в свет двух новых, прежде не издававшихся романов цикла следует в этой связи считать не литературной, но терапевтической акцией. Мелкие досадные неточности в подстрочных комментариях (Эдди Мерфи отказали в праве быть киноактером, Кэри Гранта называли Грактом, Энтони Перкинса поименовали Беркинсом и вдобавок перепутали с Тони Кертисом и т. п.) не могут испортить общего впечатления. Ибо полицейский эпос Эда Макбейна уже вполне сложился: расширять его еще можно, а вот испортить уже нельзя.

